

К 25-летию ВИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Шел октябрь 41-го года. Москва опустела — Москва оборонялась.

Редкие прохожие, отворачиваясь от ветра, невольно приглядывались к необычной афише, от руки написанной на фанерном щите: «Сегодня, 19 октября, в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко спектакль «Корневильские колокола». Спектакль? Сегодня? Не может быть! Ошибка. Строгое объявление. Все театры эвакуированы. Да что театры! Закрывались школы. У телефонных станций, у пожарных дежуров, у бочек с несом дежурили люди, готовые отстоять свою улицу, свой дом. Оборонялся и дом № 17 по Пушкинской улице.

В нем давно уже не топили: приходилось отапливать ясли, больницы, жилые дома. Тут было до театра «Жильцы» не вылезали из пестрых таджикских халатов, взятых из костюмов «Дарваздского ущелья». Фронт проходил в семнадцати километрах от Пушкинской улицы. В театре было тесно, как в трамвае; эвакуация казалась делом решенным. В репетиционных залах на стенах выступал иней. Певцы кугали горло. Оркестранты растирали озябшие руки. До репетиций ли тут было! Так прошел томительный длинный день — 16 октября.

Наутро 17-го главный режиссер театра заслуженный артист И. М. Туманов, народные артистки Н. Ф. Кемарская и М. Л. Мельцер, заслуженные артисты Г. М. Бушуев и А. Р. Томский и администратор Н. Г. Эльский обратились к заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Алексею Николаевичу Косыгину. Они могли, конечно, попросить ускорить эвакуацию. Но вместо этого от имени театра они просили оставить их в осажденной Москве с тем, чтобы завтра же открыть зимний театральный сезон.

«Сегодня, 19 октября, в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко спектакль «Корневильские колокола». Спектакль? Сегодня? Не может быть! Ошибка. Строгое объявление. Все театры эвакуированы. Да что театры! Закрывались школы. У телефонных станций, у пожарных дежуров, у бочек с несом дежурили люди, готовые отстоять свою улицу, свой дом. Оборонялся и дом № 17 по Пушкинской улице.

В нем давно уже не топили: приходилось отапливать ясли, больницы, жилые дома. Тут было до театра «Жильцы» не вылезали из пестрых таджикских халатов, взятых из костюмов «Дарваздского ущелья». Фронт проходил в семнадцати километрах от Пушкинской улицы. В театре было тесно, как в трамвае; эвакуация казалась делом решенным. В репетиционных залах на стенах выступал иней. Певцы кугали горло. Оркестранты растирали озябшие руки. До репетиций ли тут было! Так прошел томительный длинный день — 16 октября.

«Через день кассу уже штурмовали. Билеты были распроданы за два часа. Их хранили вместе с хлебными карточками, их показывали соседям как доказательство того, что жизнь идет своим чередом и в ней нет места унынию и панике. Вечером 19 октября театр был переполнен. Бойцы и командиры в полушубках и ушанках, с обожженными на морозе лицами; рабочие, от усталости дремавшие в антрактах, но медленно просыпавшиеся при первом шуме занавес

ка, домохозяйки, которые хозяйничали теперь не на кухнях, а на крышах, и по обыкновенно шумные студенты...

Спектакль прошел с огромным успехом, хотя над пятами стоял густой пар, деревенели ноги танцовщиц, а музыканты изо всех сил старались не фальшивить, перебирая струны поисневшими

пальцами. Зрители долго выжидали И. Кемарскую, С. Церина, Н. Тимченко, И. Петрова, хотя артисты, выходя на вызовы, угваривали их разойтись до объявления ежевечерней воздушной тревоги.

После этой суровой и радостной премьеры артисты послали в Тбилиси телеграмму восьмидесятилетнему Немировичу-Данченко:

«Театр по собственной инициативе, утвержденной правительством, непрерывно играет в Москве. За исключением нескольких актеров, вся труппа налицо. Играем с большим успехом и полными сборами «Севильского цирюльника», «Евгения Онегина», «Корневильские колокола», «Пре красную

Орест — на телефонной станции, Менелай и Парис — у пожарных рука-

вов. Прекрасная Елена стояла на посту в своей традиционной тунике с сумкой дружинницы Красного Креста через обнаженное плечо.

Прерванный спектакль возобновили в том же составе на другой день — дирижер поднял палочку и сказал: «Покалуйста, с 55-й цифры»...

Премьера балета «Штраусиана» состоялась в срок — через неделю после открытия сезона. В зале было по-зимнему бе-

ло от маскировочных халатов, и от этого казалось, что еще холодает, а на сцене была романтическая Вена — с неприменным кафе, зеленеющим бульваром, разнузданной веселой толпой. И на это было видеть, как блеск музыки, юмор положений, изобретательность, выдумка балетмейстера разогрели зал.

«Штраусиана» прошла блестяще. Возобновилем постановку «Периколы» и «Риголетто». Работаем над операми «Суворов» и «Чапая». Окружены вниманием правительства. В театре прекрасная рабочая атмосфера, чудесная дисциплина.

«Теперь представим себе людей, от имени которых главный режиссер и

Одни из них в первые же дни войны, в Мурманске, еще не врывавшие и внезапным и частым тревогам, к оглушительному грохоту винтовок, дали команду для призванных.

Так начался их путь по десятилетиям частям, танковым бригадам, военным госпиталим. Они давали концерты в землянках, блиндажах, санитарных

палатках, на грузовиках и просто на лесных полянах, на перекрестках дорог.

И, конечно, сразу возобновились поездки на фронт. Началась дружба со знаменитой Московской коммунистической дивизией, которой командовал Николай Павлович Аглицков.

5 декабря, сразу же после того, как на участке Ховрино ураганом отнес тяжелых морских орудий была отбита танковая атака фашистов, здесь состоялся концерт, в котором участвовали Л. Виноградский, А. Томский, С. Дойчицкино, Т. Янко, М. Щеглов, Н. Фомин, Г. Бушуев. Вокруг дымилась разбитые немецкие танки. Затем был концерт в разбитом деревне под Волоколамском. Во время выступления заслуженной артистки Тамары Федоровны Янко на стене сарая раздался выстрел. Только потом артисты узнали, что за окном на дереве устроился недобитый фашистский снайпер-«кулушка».

Вслед за передовыми частями Красной Армии, наступающей на Брянском фронте, бригада театра имени Станиславского и Немировича-Данченко дошла в едва освобожден-

ный, разбитый Орел. Собравшись на площади, слушали их люди, только что вышедшие из боя, из подвалов, из поточного ограждения лагерей. Концерт имел неописуемый успех — кричали и хлопали даже те, кто за дальностью расстрояния и громом наводил ничего не мог слышать.

Фронт уходил все дальше на запад. Шли с ним и артисты Московского музыкального театра. Они дали на фронтах Великой Отечественной войны 1700 концертов.

«...С тех пор прошло почти двадцать пять лет. Каждый вечер озаряются огнями подъяды Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. По-прежнему спешат на репетиции ветераны. На сцене и в репетиционных залах — много артистической молодежи. И сегодня по-прежнему верны слова, которыми в 1941 году заканчивалась телеграмма Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко: «В театре прекрасная рабочая атмосфера, чудесная дисциплина»... Театр готовится к месячнику советской оперы и балета, посвященному 50-летию Советской власти.

ОДИН ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Л. ЯГУНКОВА.